

А. И.
ЭРТЕЛЬ

Сочинения

Александр Иванович Эртель

Поплешка

«...Лошади рванулись и побежали. Колокольчик зазвенел надоскучным звоном. Я оглянулся назад. Отставший Поплешка кропотливо трусил около своей лошаденки, от времени до времени угощая ее ударами кулака. В небе клубились тучи. Сумрачные тени мелькали вдоль дороги. Печальная степь убегала в смутную даль... Подземка мела. Серебристая пыль струилась над сугробами...»

Александр Иванович Эртель
Поплешка

... Лошади устали и пошли шагом. Я откинул воротник шубы и огляделся. Кругом распространялась снежная степь. Кусты там и сям выделялись на ней серыми пятнами. Был сильный ветер, и несла подземка. Растрепанные тучи быстро бежали по небу. Из-за туч, неверно и трепетно, светил месяц. Прихотливые тени мелькали вдоль дороги. Дали то озарялись молочным блеском, то покрывались клубами свинцового мрака. Торжественный гул ветра доносился из кустов. Колокольчик звенел редко и уныло.

На перекрестке поравнялись и затем потрусили за нами убогие дровнишки... Взъерошенная лошаденка в веревочной сбруе, тяжело отдуваясь, торопливо переступала маленькими ножками. Она беспрестанно вздрагивала всем своим худым телом и при малейшем шорохе вожжей пугливо вздергивала голову.

Из дровней выскочил мужичок. Неизвестно для чего ударив кулаком бедную лошаденку, он побежал с нею рядом, вслед за нашими санями. Трепетный свет луны иногда скользил по нем фантастическими пятнами, иногда озарял его явственно и резко. Мужичок

поражал убогим своим видом. Одежда его, начиная с шапки и кончая онучами, была одно сплошное лохмотье. Утлые руки болтались вяло и беспомощно. Тонкие, как спички, ноги копотливо переступали по снегу, спотыкаясь и заплетаясь друг за друга. От всего существа его веяло какой-то слабостью и уничижением.

Он на бегу поклонился мне, и по его лицу, в этот миг освещенному луною, расплылась неопределенная улыбка. Он, видимо, очень озяб. Сжатые губы его дрожали, сморщенное в кулачок лицо было бледно. Отсутствие всякой растительности на этом лице придавало ему какой-то бабий вид.

— Чей ты? — спросил я.

— Ась?.. — торопливо отозвался мужичок и побежал рядом с моими санями, от времени до времени хватаясь за задок.

Я повторил вопрос.

— О-ох, чей-то я?.. Вот уж и не умею тебе, матушка, сказать... Чей, чей... — в каком-то раздумье повторил он, — допрежь барские были... Козельского барина, с Козельцев... — и добавил поспешно: — Козельский я мужичок,

матушка, козельский... Поплешкой меня звать. Отца — Викторкой, меня — Поплешкой...

— Что же это за имя? — удивился я, — может, дразнят тебя так?

— Нет, зачем дразнить, — настоящее звание: Поплешка[1].

— Чудное имя.

— Ох, правда твоя, матушка, — чудён у нас поп... Самовластительный, гордый поп. Это что — Поплешка, — у нас Бутылка есть... Ей-же-ей, матушка, Бутылка!.. Мужик как есть во всех статьях, — и видом, и все, а — Бутылка... О, самовластительный поп. Допрежь того, вот что я тебе скажу, матушка: барин у нас мудёр был. Такой мудрый барин, такой мудрый... Тот, бывало, не станет тебя Иваном аль Петром звать, а как пришли кстины, так и велит попу либо Аполошкой, либо Валеркой кстить... А то вот еще Егешкой кстили. Мудрый был барин!.. Ну, барин перед волей помер — поп замудрил: Поплешка да Бутылка, Солошка да Соломошка, так и заладил...

— Ну, а кроме-то имен ничего себе поп? — поинтересовался я.

— Он ничего себе... В кабале мы у него, матушка! Как лето придет, он нас и забирает: того на покос, того на возку, того на молотьбу... Поп гордый, поп богатый. Поп не то чтоб спуску давать, а всячески в оглобли норовит нашего брата. Свадьба ежели — три десятины ему уберешь; *кстины* — полнивы; молебен — свезешь ему десятину; похороны ежели — молоти десять дён... Человек тяжелый, немилосердый человек.

— И давно он у вас?

— А давно уж, матушка... Меня кстил, а мне вот двадцать пятый год идет...

В это время луна осветила Поплешку, и лицо его показалось мне очень старым.

— Да ты старик! — невольно воскликнул я.

— А ты как думал, — с некоторой гордостью произнес он, — я женат седьмой год, у меня вон трое детей, матушка, да два дитенка померли летось...

— Ну, вы и не жаловались на своего попа? — спросил я после маленькой паузы.

— На отца Агея?.. Нет, не жаловались, — и, внезапно придя в веселое расположено духа, добавил: — Хе-хе-хе... А поди-ка пожалуйся на

него... Попытайся-ка... Он тебе, брат, таких... Он тебе таких засыпет!.. Нет, нет, матушка, жалоб чтоб не было. Поп он гордый, не любит жалоб.

— Мы довольны, — заметил он после некоторого молчания, — поп он жестокий, а мы им довольны. Он вызволяет нас. Работаешь ему — он рад. Он работу помнит — придешь к нему, сейчас он тебе водки... Добрейший поп!.. Кабак-то у него свой, — таинственным полупшепотом добавил он, — попадьин племянник в нем. Племянник — попадьин, а кабак — попов! — И мужичок с лукавством прищурил правый глаз.

Мы помолчали несколько минут, в продолжение которых мужичок, проворно переплетая своими ножками, раза два подлетал к лошадке и бил ее кулаком по морде, причем сердито и отрывисто крякал.

— За что ты ее?

— Э... одер!.. — неопределенно произнес мужик и неизвестно почему рассмеялся жидким, тщедушным смехом. Впрочем, несколько годя, как бы в оправдание, прибавил:

— Замучила, ляда...

— Откуда ты едешь?

— Хутор тут есть, матушка, — оттуда. Чумаковский хутор-то.

— Зачем же?

— Хомуточка, признаться, на шейку добывал...

Поплешка снова рассмеялся.

— Какого хомуточка? — не понял я.

— А работки бы мне. Работки ищу.

— Ну что же, взял?

— Э, нет! Не дали, матушка. Скуп стал Чумаков-купец, не дал работки.

Он несколько помолчал.

— Да, признаться тебе, матушка, бедовое их дело, этих купцов... Знамо, я так рассуждаю — скуп купец. Но только и наш брат мудрен стал... Ты теперь возьми меня вот: лошаденка у меня одна, и тут... — мужичок с какой-то детской злобой замахнулся на лошаденку, отчего она так вся и шарахнулась в сторону, так вся и затрепетала, — работник я один, бабу ежели считать хворая она, ребятишки малы... Вот я летось взял у Чумакова косьбу, а пришло дело, меня и с собаками не отыскали... Ох, мудрен ноне народ стал!

— Отчего же ты не косил?

— Косить как не косить... Косить-то я косил, да только у другого... Другой позверовитей... Другой взял меня прямо из клетки да и поставил на полосу: коси, хошь издыхай...

— Да как же ты это?..

— Эка, матушка!.. У двух-то по зиме взята работа, а то еще наемка была — прямо на деньги. Тут взят задаток. Да попу еще... А там сама собой своя нивка осыпается... Бедность-то наша, сокол мой, непокрытая!

— Что ж, и все такие бедняки в вашем селе?

— Ну, нет... Есть дюже поскуднее... Вот у Бутылки, у этого, опричь двух овец, и скотины нету — должно ноне на подушное пойдут. Есть и еще мужички... Есть и такие — окромя рубахи и портков ничего нету... Ну, те уж в батраках. Ох, плохие, матушка, есть жители...

— Что же у вас — земли мало?

— Маловато, маловато. Да мы ее, признаться, и не видим... Раздаем мы землю-то. Есть у нас такие мужички, — нечего сказать, богатые мужички, они нас выручают: землю-то за себя берут, а нам деньгами... Много разда-

ют денег.

— Но чем же вы кормитесь?

— Кормимся-то чем? Ох, трудно, матушка, по нынешним временам кормиться... Страсть как трудно!.. Работкой мы больше кормимся... Заберем, бывало, по зиме работку и кормимся. А то опять землю сымаем, у купцов сымаем, у господ... Как хлебушко поспеет — платим за нее. Хорошие деньги платим!.. — И мужичок добавил с легким вздохом: — Ох, трудно кормиться, матушка!

А спустя немного продолжал, впадая в таинственный тон:

— Ты вот что скажи, матушка, купцы-то что затевают... О, великое дело затевают купцы!.. Я вот поехал, признаться... Прошу работки, а Чумаков мне в окно кажется: «Смотри, говорит, Поплешка... Вы у меня, говорит, Поплешка, душу вынули своей работой, — шабаш теперь!» И смотрю я, матушка, в окно и вижу: сметы нет сох наворочено... Сохи, бороны, плуги, телеги... «Это что же, говорю, означает, Праксел Аксеныч?» — «А то, говорит, означает — будет вас баловать-то... Наберу теперь батраков и шабаш... Мы вас, говорит,

скрутим... И я, говорит, завожу батраков, и иные купцы заводят, и господа сох понакупили...» О-ох, хитрый народ купцы!.. «Как же нам-то, говорю, Праксел Аксеныч? Ну, мы в батраки, а детки-то?» Смеется... «Обойдетесь...» говорит. Мы, может, говорит, и фабрики заведем — всем работа найдется, не робейте...» — Вот оно что, матушка!.. Робость, какая робость... Робеть нам нечего, но только и хитрый же народ эти купцы! — добавил Поплешка.

— Как же вы теперь жить-то будете без земли и без работы?

— А уж не знаю, как жить... По миру ежели... Да плохая тоже статья стала. Обнудел народ, немилостивый стал, строг... Ходят у нас по миру половина села ходит... Только плохо... А вот я тебе, матушка, скажу: хорошо это купцы удумали — батраков заводить. Заведут себе батраков — как важно работа у них пойдет! Народ — купцы — строгий, хозяйственный народ!..

— Вы-то чем жить будете, вы-то?

Мужичок промолчал.

— Что вам-то делать? — действительно по-

вторил я.

Но мужичок снова не ответил и неожиданно вымолвил:

— Хорошие есть места на Белых Водах!

— Ты почему знаешь?

— Ходили некоторые.

— Что же, там и остались?

— Э, нет, — воротились. Не способно, матушка... Земли там свободной не стало. Придешь — гонят. Купить ежели — достатков не хватает... Воротились.

— Вот урожаяи опять, — помолчав, произнес он, — оченно стали плюхи урожаяи. С чего это? — и, не дождавшись моего ответа, сказал: — А с того, матушка, нечем нам стало работать... Ни навозу у нас, ни лошадей... Ледащий мы народ.

— Ну, надеетесь же вы на что-нибудь, ждете же чего? Чего вы ждете? Ну, чего вы ждете?

— Может, нарезка какая будет... Может, на счет земельки как... — робко и неуверенно предположил Поплешка.

— Да если вам и дать-то еще земли — вы небось и ее мироедам отдадите...

Поплешка подумал.

— Ежели прямо вот как теперь — отдадим, — сказал он решительно, — нам один конец — ее отдать... Потому, насчет пищи у нас нехватка. Большая нехватка насчет пищи. Ежели так будем говорить: нарежь ты мне теперь, ну, хоть бы три сороковых, — прямо бы я их Зоту Федосеичу заложил. Куда как нужно тридцать целковых!.. Это тридцать, матушка, ежели не подохнуть... А там окромя еще: там долгов за мной более двух сот — вот за одра за этого шестьдесят целковых Зот Федосеич считает, — с ненавистью указал он на лошаденку, — там недоимки семнадцать, там скотинёнки надо! — и, как бы охваченный наплывом непрерывных нужд, он с безнадежностью воскликнул: — Э, нет, и нарежут ежели, то не поможет!.. Умирать нам, матушка... Один нам конец — умирать!

И переполнив тон свой назидательностью, продолжал:

— Я тебе расскажу — знаменье тут было. В селе Тамлыке вот... Вот, матушка, слышат люди — плачет кто-то под престолом в ихней церкви... Поговорили с попом, тот и бает: надо покараулить, говорит... И сел на ночь в ал-

таре. Только, матушка, сидит он, и вдруг о-
полночь приходит белый старец. «Что ты, го-
ворит, сидишь, — это попу-то, — ты хоть не
сиди, я тебе ничего не скажу, а скажу я, гово-
рит, отроку или отроковице...» Думали-дума-
ли — посадили на другую ночь отроковицу.
Ну, сидела-сидела эта отроковица и заснула.
Только слышит, кто-то будит ее, смотрит —
белый старец. «Скажи ты народушке, гово-
рит — и говорит таково грозно, — быть беде
до исходу... Быть беде до исходу, быть голоду
до пяти годов... есть народушке друг друга...»
И пропал. Вот оно что, матушка, вот о чем на-
до поразмыслить. Аль опять тебе пораска-
зать: у мужика на копнах птицы говорили.
Где, не знаю, но только в округе. Он подкрал-
ся и слышит говорят... Одна птица большая,
белая, другая поменьше и вроде как с краси-
ною. И говорят они человеческим языком. «Ой,
много беды на свете! говорит меньшая птица,
людское горе что море стало...» — «Это не го-
ре, горе впереди, — отвечает большая пти-
ца... — И такое горе, что супротив татарщины
али француза вдвое боле!.. Много, говорит, бе-
ды впереди...» Вот оно что, матушка!.. И вид у

птиц вроде как звериный, очи светлые, и нос широкий...

Он опять замолчал. Колокольчик монотонно позвякивал под дугою. Шумел ветер. Тучи нескончаемой вереницей бежали по небу. Свет месяца бросал на них янтарный отблеск. Безграничная степь расстилалась окрест.

— Народ болеет, матушка! — неожиданно воскликнул Поплешка. — Дюже болеет народ... Так болеет — даже ужасно!.. Ребятишки теперь это — валом валят бедняги... Захватит горло, заслюнявеет, и готов миляга. Квёлый народ. — Али теперь болеть дурную взять — и нет тебе двора, и нет тебе семьи, где бы без ней... Насквозь изболели!.. Али горячки... Э, трудные времена, матушка!.. Такие-то трудные, такие-то горькие времена — беда!

— Но что же вы будете делать! Что вас ждет-то впереди! — подавленный ужасным простодушием Поплешки, воскликнул я, но он повторил: «Горькие времена!» и замолк в раздумье.

— Может, урожай хороший будет? — старался я ослабить угнетавший меня призрак грядущей беды.

— Урожай?.. — как бы спросонья отозвался мужичок. — Э, нет, матушка... Посылай бог урожаю, давно урожая не было, ну, только нам это плохая подсоба... Увязли мы, сокол мой... Так увязли, так увязли... И родится ежели — отберут у нас хлебец-то... Зот Федосеич отберет, отец Агей отберет, в магазей отсыпят, на подушное продадут... А долги-то? мало их, матушка, долгов... Ох, нет у бога такого достатка, чтоб народушко вызволить... Изболел народ, истомился...

И он внезапно каким-то дрожащим, дряблым голоском затянул: *Господи сил с нами буди...*

А меня охватила какая-то неизъяснимо мучительная тоска. Под наитием этой тоски и снежное поле, и трепетный свет луны, и быстро убегающие тучи, и шум ветра в лесу — показались мне чем-то до ужаса унылым... Душа проникалась суеверным страхом. Слабенький голосок мужичка принял в ушах моих какие-то торжественные ноты и слился с могущественными аккордами ветра.

...Лошади рванулись и побежали. Колокольчик зазвенел надоскучным звоном. Я

оглянулся назад. Отставший Поплешка кропотливо трусил около своей лошаденки, от времени до времени угощая ее ударами кулака. В небе клубились тучи. Сумрачные тени мелькали вдоль дороги. Печальная степь убежала в смутную даль... Подземка мела. Серебристая пыль струилась над сугробами...

Тоска... тоска!..

Примечания

В святцах: Поплий. *(Прим. автора.)*

[^^^]